

Что только не предлагает поисковик, когда набираешь «Оклан»: и новозеландский Окленд, и Окленд в США, и Оклахому. И, наконец: «Оклан (Oklan) – населенный пункт в России, Пенжинский район, Камчатский край, Дальневосточный федеральный округ, Россия».

Россия, Камчатский край, Петропавловск-Камчатский, аэропорт Елизово, потом ждать-пождать рейс на Каменское, а уж из Каменского до Оклана добираться как хочешь: на вездеходе, тракторе или моторке.

Тогда, в моем детстве, это был небольшой поселок, а сейчас он и вовсе крохотный. Поселок у протоки реки Оклан. Из таких проток собирается река Оклан, потом большая река Пенжина, которая затем впадает в огромную Пенжинскую губу и дальше в необъятное Охотское море...

В Оклане было мое последнее лето перед школой. Осенью, в конце сентября, мы уехали в Манилы, там я и пошла в первый класс.

А в Оклане самым большим моим другом был глухонемой старик-сосед Петя. Если не ошибаюсь, его фамилия Долган. Петя был эвен, жил на пенсию и тем, что промышлял в тундре и на реке. Рыба, как говорили взрослые, при виде Пети выскакивала из реки и кричала «Амто!», Петя ловил ее голыми руками, и щедро делился ею.

Почти каждое утро на крыльце мама находила ведро с хариусами, гольцами или кетой. Чаще всего в ведре была щука – одна, но большая, хвостом и зубастой головой торчащая из ведра. Мама делала из нее котлеты и пирог, которым угощала Петю. Жил он один, не до разносолов, и поэтому пирогам радовался искренне, размахивая руками и кивая головой.

Именно Петя и научил меня всем премудростям самой лучшей и тихой на свете охоты – грибной. Утром стучал в наше окно, быстро-быстро, будто дождь колотил, и шел в тундру. Я тут же вскакивала, одевалась, брала ведро и догоняла Петю.

Он показывал палку в руках – мол, ищи себе такую же удобную палку, чтобы с кочки на кочку в тундре прыгать, и при случае опереться на нее, а в лесочке траву раздвигать в поисках спрятавшегося подосиновика. А когда такая палка-выручалка найдется, глянь, уже до речушки дошли, а за речкой – самые грибные места.

Говорить Петя не мог, только мычал. Все, что хотел сказать, руками показывал, или по плечу хлопал – смотри, там птица выпорхнула из ягельника, а вот гриб-тройняшка, из одной ножки три шляпки! Или же – туда не ходи, там болото, провалишься! Или – не бери этот гриб, он плохой!

С Петей я будто ходила по волшебной земле, которая, когда он проведет впереди себя палочкой, показывала всякие диковинки – пройдешь, не заметишь.

Дорога за грибами была такой – сначала речка, потом тундра, слева болото, повернуть, и уходишь в распадок между сопками, а там – грибное раздолье. Иди от одного гриба к другому. В небольшой рощице росли маслята. Я нагибалась, подрезала тугие ножки, складывала в ведро, где лежали подосиновики с красными шляпками и несколько груздей.

А потом Петя зажигал костер, обычно мы останавливались возле озерца. Оно мне казалось неглубоким, можно было даже разглядеть основания кочек, длинные стебли росших на кочках трав шевелились в воде.

Однажды я не устояла, и из детского озорства, любопытства, коснулась воды сапогом. Он тут же стал скользить по кочке вниз... А я стояла и смотрела, понимая, что сейчас вода потянет и меня. Но пошевелиться, очнуться не могла.

Петя подоспел вовремя, схватил, выдернул меня из озерца-болота, даже сапог достал своей палкой.

Кричал-мычал на меня, размахивая руками, а я с трудом отвела глаза от поверхности озерца, и тогда где-то в глубине мха, в котором только что был мой сапог, булькающее вздохнуло.

Чай мы пили на ягельной полянке, будто припорошенной сухим хрустящим снегом. И уже не спеша шли домой, в Оклан.

А потом мы уехали из Оклана, я пошла в школу, погиб отец, я выросла, уехала учиться в Москву, после Литературного института вернулась на Камчатку, работала в газете «Вести»... и однажды главный редактор «Вестей» Искандер Хакимов сказал мне, что нужно полететь на мыс Лопатка, написать о погранзаставе.

– Надо, значит, надо! Когда?

– Завтра, рано утром, в аэропорту Халактырки...

Вместе с фотографом Василием Козьменко отправились в Халактырский аэропорт, сели в вертолет, полетели на Лопатку.

И после интервью вдруг оказались не у дел – обо всем с пограничниками поговорили, чай попили, пошли к вертолету, а вертолетчики говорят, что надо подождать пару часов, и если хотите, идите в тундру, и тару с собой побольше возьмите.

Мы думали, они пошутили насчет тары. Какие шутки! Вокруг были одни грибы, мы выбирали самые молоденькие, но и их вскоре некуда было складывать. Мы ходили по тундре, выдергивали грибы из ягеля, и думали-мудрили, куда сложить. И сложили в мою куртку.

От этой поездки у меня осталась фотография, даже не черно-белая, а белая от солнца, которое бьет в вертолетный иллюминатор. Осеннее камчатское солнце, в котором меня почти и не видно.

На обороте фотографии – «лечу на мыс Лопатка».

Совершенно не помню, у кого брала интервью, о чем и когда? Много было интервью, очерков, километры и километры газетных текстов.

А солнце в иллюминаторе вертолета помню хорошо. Я смотрела на огромное осеннее камчатское солнце, и Камчатку внизу, под вертолетом, и вспоминала Оклан, Петю, как мы ходили за грибами, и дала себе слово написать об Оклане. Хотя, казалось бы, какая связь между Окланом и мысом Лопаткой?

Мы вернулись в Петропавловск с курткой, полной грибов, и я поехала в редакцию писать интервью в номер.

И забыла, отложила «на потом», что обещала себе.

Недавно увидела в Фейсбуке несколько фотографий Екатерины Долган из пенжинской газеты «Полярная Звезда», которые называются «Лето. Оклан». Медведица с медвежонком, рыбаки вытягивают сеть, на берегу – моторная лодка, бабушка чистит рыбу... Екатерина живет в Каменском, но родом из Оклана.

Увидела эти фотографии, и поняла – пора выполнять обещание и писать про детство в Оклане, про звена Петю. И неожиданно начала писать про Камчатку так, как давно хотела, но не могла – я стала ее мифологизировать. А это важно для меня – писать именно так, но не получалось до сих пор, слишком много было личного, горестного, от которого никак не получалось вырваться, оторваться, встать на крыло.

Не знаю, родственница ли Екатерина Долган тому Пете, с которым я ходила за грибами, и который спас меня, вытащив из озера. Привет, привет тебе, Петя, в твоей небесной тундре!

Не знаю и сколько человек обитает нынче в Оклане, чем и как они сейчас живут. Но у меня на душе тепло оттого, что этот маленький поселок до сих пор есть на севере Камчатки.

Несколько лет назад Оклан отметил свое 330-летие, ведя счет от образования Акланского острога. Того самого Акланского острога, который не раз сжигался и разорялся, но выстоял и даже получил герб.

Из таких крохотных ныне поселков, как река Пенжина из протоков, и собирается Камчатка, Дальний Восток.

На снимке: дом в Оклане, рядом с которым когда-то располагалось жилище Ирины Оснач.